

УДК: 951.06/081.6 (951.8)

МАНЬЧЖУРСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ ИМПЕРИИ ЦИН (середина XVII — начало XX в.)*

Вадим Александрович ПАСМУРЦЕВ,
аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: jemisdar@yandex.ru

В статье анализируются маньчжурские владения династии Цин как фактор государственной политики. Рассматривается специфичный характер государственного управления маньчжурскими территориями, роль северо-восточных провинций в военно-стратегическом планировании центральной администрации, а также место Маньчжурии в хозяйственной политике цинского двора.

Ключевые слова: Маньчжурия, администрация, колонизация, театр военных действий, фронтир.

MANCHU TERRITORIES AS THE FACTOR OF QING'S POLICY
(MID 17th EARLY 20th)

V.A. Pasmurthev. Postgraduate student of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAE) of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

The author analyses the Manchu area as the factor of Qing's state policy, considers the specific character of Qing Dynasty's ruling, the role of northeastern provinces in Empire strategic planning and economic policy of Qing's Household.

Key words: Manchuria, administration, colonization, battlefield, frontier.

Фактор земли, территории занимает важное место в государственной политике. Территория — это и зона, на которую распространяется (реально или потенциально) государственный суверенитет, и ресурс (колониционный, сельскохозяйственный, промышленный), и военный плацдарм. Исходя из этих позиций, нам представляется важным рассмотреть маньчжурские территории в составе Цинской империи как зону

* Работа выполнена при содействии гранта РФФИ — ДВО РАН «Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий СВА» проект № 11-06-98501-р восток.

распространения имперского суверенитета, особое политико-географическое образование, специфическую хозяйственную единицу, район, где протекали демографические и этнические процессы, а также приграничную территорию, имеющую важное военно-политическое значение.

Маньчжурский территориальный фактор мы рассмотрим по следующим параметрам:

- политико-административное значение в составе империи Цин;
- военно-стратегическая роль;
- социально-экономическое значение.

В системе государственного управления империи Цин Маньчжурия занимала специфичное место, что определялось следующими факторами:

- отдалённостью Маньчжурии от экономически развитых и густонаселённых районов Внутреннего Китая;
- полиэтничным составом населения, находящегося на различных уровнях социально-экономического и культурного развития;
- сакральным значением Маньчжурии как священной прародины династии Цин;
- выполнением «трансфертной» функции в ходе взаимодействия с Российским государством, позже — Российской империей.

Соотношение и степень влияния этих факторов в течение времени менялись, определяя особенности политики цинской администрации в регионе и место региона в общегосударственной политике.

В 1644 г. маньчжуры, захватив Пекин, создали имперскую администрацию, а Мукден, бывший их столицей, утратил своё административно-политическое значение. Как отмечает известный историк Китая П. Клайд (P. Clyde), «...контроль Пекинской администрации был успешен настолько, насколько южная область Маньчжурии была освоена». Что же касается северных её земель (особенно вне Сунгарийской артерии и в землях Приамурья), то чиновники ежегодно посещали эти отдалённые области, чтобы собрать дань с местного населения, но в остальном Пекин не имел здесь особых интересов. П. Клайд предполагает, что это свидетельствовало о небольшой экономической или стратегической ценности Амурского бассейна [13, р. 6]. Отсутствие стратегических интересов правительства определило специфику административно-политического развития региона и слабую реакцию на внешние вызовы, одним из которых было, например, проникновение русских в Приамурье.

Цинские управленцы первоначально приняли казаков за очередное варварское племя и поэтому не видели опасности в их военных акциях. Однако фронтальный характер территории потребовал особой системы управления. Она должна была сочетать и быстроту реагирования на обширных маньчжурских землях, и прямую подотчётность центру.

В 1662 г. мукденский правитель получил статус фэнтяньского (мукденского) и прочих мест цзянцзюня, сформировав крайне централизованную военную администрацию, власть цзянцзюня была неограниченной, ему подчинялись начальники военных округов — фудутуны.

Специальным указом 1671 г. разрешалось назначать на высшие административные должности только чиновников из Пекина или других провинций [3, с. 118]. Китайское население, проживавшее на территории Ляодуна и Ляоси со времени правления династии Мин, оказалось практически в ведении военной администрации.

С целью интеграции этнических групп создана система «туземной» администрации. Племенные и родовые старшины, которые не противились включению в знаменную систему маньчжурского войска, получали от цинской администрации мандаты на управление своими сородичами и звания нижних военных чинов — цзолинов и сяоцисяо [3, с. 120]. Сформированный административный аппарат позволил при минимальных затратах решать серьёзные военно-политические задачи, в частности изгнание русских колонистов из Приамурья.

Подписание Нерчинского договора, разграничение владений Цинской империи и России, а также фактическое устранение русского военного и политического влияния из Приамурья повлекли за собой дальнейшее изменение маньчжурской административной политики. Конвенционно присоединив к империи обширные территории Приамурья, цинская администрация столкнулась с рядом новых проблем.

Прежде всего, требовалось создать систему опорных пунктов не столько для отражения возможной экспансии русских, сколько для закрепления владычества над аборигенным населением. В 1690 г. на р. Нонни, южнее крепости Айхунь, был основан г. Мэргэнь (современный Нуьцзян), ставший резиденцией цзянцзюня, а в 1691 г. — г. Цицикар, куда в 1699 г. переехал цзянцзюнь со своим штатом чиновников. Перемещение в 1692 г. фудутуна из Гирина (Цзилия) в Бодунэ привело к образованию нового военного округа [3, с. 186]. Однако дальше создания сети укреплений, связанных системой почтовых станций и речных экипажей, административное развитие не шло. Приамурье играло роль малонаселённого и экономически непривлекательного буфера между двумя государствами, тогда как собственно Маньчжурия постепенно превращалась в зону активной политики Пекина.

В высшем руководстве Китая боролись различные точки зрения на проблемы и способы колонизации маньчжурских земель: с помощью труда знаменных воинов; местных племён, переведённых в «военные поселенцы», или же китайских крестьян из густонаселённых внутренних областей. Поэтому в самой Маньчжурии формировались параллельные системы управления. Одной из них была оформившаяся в конце XVII — первой половине XVIII в. на Северо-Востоке система крупных военно-административных единиц — фудутунств [3, с. 186—187]. Но приток китайских переселенцев, начавшийся с середины XVII в., постепенно приобретал черты широкого, пусть и полулегального, миграционного процесса. Для осуществления контроля над пришлым китайским населением цинские власти в Гиринской (Цзилинской) провинции прибегли к созданию местного гражданского административного аппарата управ-

ления [3, с. 188—194]. Фактически Маньчжурия являлась административно-двоевластной территорией и управленческая политика на данном этапе носила переходный характер.

Превращение маньчжурских территорий в регион, где параллельно существовали как национальные, так и внешние административные структуры, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, после поражений Цинской империи в опиумных войнах и вынужденного принятия норм европейской дипломатии началось вовлечение Китая в сферу влияния европейских держав. Это создало угрозу территориальной целостности страны и инициировало политику «самоусиления». Во-вторых, проникновение иностранного капитала в Маньчжурию, быстрое развитие экономики региона и резкое увеличение населения потребовали новых мер административного регулирования. В-третьих, серьёзным фактором, вызвавшим активное внимание цинской администрации к маньчжурским землям, была так называемая «русская угроза».

Так, полковник Л. М. Болховитинов, известный публицист и общественный деятель, в записке «Китайская колонизация Северной Маньчжурии», составленной по заданию российского Комитета по заселению Дальнего Востока, отмечал, что цинскому правительству в конце XIX в. подавались десятки докладов китайских чиновников и военачальников «...об агрессивных стремлениях России, об её намерениях путём постепенного заселения не только своих границ, но и полосы отчуждения захватить оба берега Амура, Аргуни и Уссури, район КВЖД» [11].

Однако в связи с русской оккупацией сначала полосы отчуждения КВЖД, а затем и крупных селтльментов Маньчжурии цинская администрация фактически ослабила контроль над местным населением. Дальнейшие административные реформы, по мнению исследователя И. Инацу (Y. Inatsu), имели цель восстановить авторитет центральной власти и привлечь к управленческой деятельности местные элиты [16, р. 52—55]. Согласно реформе 1905 г. в Хэйлунцзянской провинции была создана новая гражданская административная система, подобная общекитайской. 7 апреля 1907 г. вышел указ о реорганизации административного управления северо-восточного региона страны, согласно которому в Маньчжурии было образовано генерал-губернаторство во главе с цзунду, а в провинциях вводилась должность губернатора (сюньфу) с непосредственным подчинением цзунду [3, с. 282—284].

Перестройка административного управления в Маньчжурии продолжалась до Синьхайской революции 1911 г., когда место гражданских губернаторов заняли военные, обладавшие всей полнотой власти. Гражданскую власть в регионе, установленную в результате реформ 1907 г., сменила военная диктатура, и три восточные провинции ещё больше, чем прежде, обособились от Китая [16, р. 51—53].

Военная политика Цинской династии по отношению к маньчжурским территориям носила сложный и неоднозначный характер. Помимо общеимперских военных задач большую роль играли местные факторы, которые сочетались с трудностями, свойственными всей цинской армии.

В качестве местных, оригинальных факторов можно выделить:

- пограничный и малонаселённый характер территорий;
- наличие знамённой структуры войск и системы знамённого землевладения;
- полиэтничный характер воинских формирований;
- активное внешнеполитическое и военное давление соседей.

Будучи занятой военными действиями в центральном Китае новая маньчжурская династия воспринимала своё исконное местообитание как глубокий резерв, военные конфликты на его территории мыслились возможными лишь в форме локальных операций. Несмотря на крайнее запустение земель за Ивовым палисадом, их ценность для маньчжурской администрации всё-таки признавалась как по экономическим соображениям, так и по военно-политическим.

На оставленных землях размещались немногочисленные гарнизоны, в обязанности которых входили военные, полицейские, курьерские и инженерные функции [14, р. 33.]. Но военная эффективность рассеянных и немногочисленных войск оказалась невелика, и региональные администраторы указывали на это центральным властям. Так, мукденский фуинь Чжан Шансянь отмечал в своём докладе, что внешние земли могут стать оплотом мятежников или пиратов, нападение которых будет трудно отразить [6, с. 89—90]. Учитывая, что на территории Мукденской провинции в годы правления императора Шуньчжи (1644—1662), по данным китайской статистики, осталось всего 11 018 знамённых солдат, которых разбросали по нескольким гарнизонам, эти опасения были весьма обоснованы [2, с. 12].

Дальнейшее развитие событий в связи с проникновением русских в Приамурье было поначалу истолковано цинскими властями именно как военное вторжение варваров/разбойников в северные пределы империи. Военные действия в Приамурье трансформировались по мере уточнения информации о противнике и того, как изменились соотношения сил и степень участия центральной администрации. Реакция на русское проникновение первоначально укладывалась в рамки локальных военных акций. Таким образом были организованы экспедиции против казаков Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова, военные операции при Ачанском и Кумарском остроге, речные столкновения на Сунгари [8; 10, с. 55—65]. Но, осознав, что противник в лице казаков не просто новое «варварское племя», а представитель иного государства, цинская администрация использовала все возможности административного ресурса и военные действия вошли в фазу организованной кампании. К этому времени относятся санкционированные лично императором Канси формирование военной администрации в маньчжурских землях [3, с. 117—120], разведывательные операции [3, с. 159—160] и строительство инженерной инфраструктуры [10, с. 72].

Вероятнее всего, мотивацией имперской администрации был личный престиж маньчжурского императорского дома — защита исконных родовых территорий, где находились могилы предков (это проявилось в нотациях самого императора Канси, собранных в «Стратегические планы усмирения русских») [10, с. 37—40].

Неудивительно, что, победив Русское государство в военно-дипломатическом противостоянии и вынудив его к подписанию Нерчинского договора, цинская администрация не придавала землям Маньчжурии и Приамурья большого военно-стратегического значения. С уходом основной части знаменного войска на территории Маньчжурии были размещены гарнизонные войска. Создав военную администрацию, сеть почтовых пунктов, складов и речных станций (что позволило с успехом завершить военную кампанию против русских), имперские власти в дальнейшем лишь консервировали сложившуюся военную структуру Маньчжурии. Как отмечает Р. Ли (R. Lee), опорой династии в регионе были именно племенные военные структуры, в частности, приводятся данные по комплектованию войск за 1736 г. — из 4,5 тыс. знаменных в пров. Хэйлунцзян 2580 чел. были из племён солонов, дауров и барга. В Бутахском и Хулуньском укреплениях также находилось около 6,5 тыс. вспомогательных войск из солонов, дауров, монголов и др. При этом собственно маньчжуров в Хэйлунцзяне насчитывалось 1920 чел., а китайцев-знаменных — около 400 чел. В Гиринской провинции, по данным Р. Ли, племенных воинов не было, но и там на 9682 солдата из монголов и маньчжуров приходилось 1170 солдат-китайцев [14, р. 50.].

Основная задача этих воинских формирований была не в военном присутствии, а в консервации земельных и имущественных отношений, сдерживании китайской колонизации и полицейском контроле. Именно поэтому на территории Маньчжурии действовали многочисленные ограничения на перемещения военных лиц, регламентировалось проживание в гарнизонах и несение службы, а полицейский контроль над гражданскими лицами, в том числе китайскими колонистами, вменялся в обязанности военной администрации [14, р. 39—40].

В 40-х гг. XIX в. международная обстановка на Дальнем Востоке значительно изменилась. Военное поражение Китая в первой «опиумной» войне (1840—1842), по итогам которой ему был навязан неравноправный Нанкинский договор, означало изменение привычной ситуации для китайской администрации. Вслед за Великобританией политику экспансии на тихоокеанском побережье Азии активизировали другие западные державы — Россия и США. Присоединение Приамурья и Приморья к Российской империи было одним из стартовых факторов превращения Северо-Востока Китая в военно-политический плацдарм, обладать которым стремились контрагенты Цинской империи.

Как пишет И. Инацу, проникновение европейских держав в Маньчжурию нарушило китайский суверенитет над территорией и повлекло серьёзные изменения в историческом развитии Северо-Востока Китая [16, р. 2]. По мнению Р.Л. Повелла (R.L. Powell), именно вышеописанные события в XIX в. привели к зарождению и расцвету китайского милитаризма [15, р. 3—7].

Вместо деградирующих знаменных формирований, начиная с 1880 г., китайцы приступили к сосредоточению в Маньчжурии войск и необходимых для войны средств. В 1885 г. сюда было направлено 15 тыс. солдат

из армии Ли Хунчжана, годом позже к ним добавили 5 тыс., а в 1894 г., по свидетельству А. Максимова, в армии Маньчжурии насчитывалось до 50 тыс. военнослужащих. Их главнокомандующий учредил в Шанхае постоянную комиссию для закупки у европейцев скорострельных ружей и пушек [5, с. 17—18].

Военные силы Китая в Маньчжурии до поражения в японо-китайской войне оценивались европейцами довольно высоко. В дальнейшем территория Маньчжурии испытала интервенцию, вызванную реакцией европейских держав на действия ихэтуаней. После подавления боксёрского восстания (1901) маньчжурские территории вдоль КВЖД стали контролироваться русскими вооружёнными формированиями, а в период русско-японской войны здесь развернулись боевые действия между двумя иностранными для Китая державами. В дальнейшем Маньчжурия сохранила статус территории, где наряду с войсками китайских милитаристов были размещены белогвардейские вооружённые отряды, сотрудничавшие с маньчжурскими властями, и воинские формирования японских интервентов [7, 13, 16].

С точки зрения хозяйственного развития и социальных процессов, территории Маньчжурии менее привлекали внимание центральной администрации в отличие от развитых и чреватых повстанческими движениями районов востока и юга или территорий западного края, где существовали серьёзные национальные проблемы. Тем не менее специфичность экономики и социальной структуры была характерна и для Маньчжурии, что отражалось на политике имперского центра в этом регионе. Особенности социально-экономического развития территории являлись: отдалённость от экономически развитых и густонаселённых районов страны; длительный запрет на земледельческую колонизацию для китайского элемента; буферный характер территорий и проницаемость для иностранного капитала.

Значение экономических факторов довольно чётко проявилось, как только начались завоевательные походы маньчжуров во Внутренний Китай. Цинские чиновники в Маньчжурии отмечали крайнее запустение земель, деградацию хозяйственной жизни, депопуляцию населения: «Тучные земли тянутся на тысячи ли; имеются поля, но нет земледельцев; абсолютно не на кого опереться» [2, с. 12]. Упадок земледелия вёл к сокращению доходов казны, деградации пахотных земель. Однако меры, принятые маньчжурской администрацией, носили непоследовательный характер [2, с. 13—17].

В результате русско-цинского конфликта и последующего маньчжурского владычества в регионе произошла депопуляция коренного населения [4, с. 21—22]. Как отмечает В.М. Кабузан, в середине XIX в. численность аборигенов, обитавших по обоим берегам Амура, составляла всего 15 тыс. чел., причём проживали они на пространстве от Сунгари до Уссури по обоим берегам Амура и далее на северо-восток от Уссури. Численность ороков, орочей, удэгейцев сократилась с 4 до 1,7 тыс. чел., тунгусов — с 4 до 2,1 тыс. чел. [4, с. 32—33].

Попытки регулировать миграцию китайцев на земли, считавшиеся исконно маньчжурскими, привели к запретительным и ограничительным мерам. Были изданы правила приписки китайских переселенцев в Маньчжурии, для каждой местности вырабатывались свои правила. Эти и другие меры, принимаемые местной цинской администрацией, несомненно, затрудняли приписку китайских переселенцев в Маньчжурии, ухудшали их материальное положение, подчёркивая их правовое и национальное неравенство с маньчжурами. Но в то же время всё это не могло остановить приток китайцев в Маньчжурию, помешать перераспределению земельных владений в пользу китайского населения. В конце правления цинской династии перед снятием ограничений на выдачу свободных земель, большая их часть принадлежала государству как в форме императорских владений, так и знамённых земель. Это вело не только к окостенелости государственного строя (в области феодального землевладения), но и к утрате жизнеспособности региона к социально-экономическому развитию, сильному отставанию юго-восточного побережья Китая и его внутренних районов [17, с. 27—30].

Во второй половине XIX в. цинское правительство в условиях внутренних и внешних затруднений было вынуждено ослабить запреты и постепенно осуществлять по отношению к Северу-Востоку политический курс на открытие земель, тем самым поднять волну земельного освоения. Цинские власти были крайне заинтересованы в увеличении податных лиц и росте налоговых сборов. В 20-х гг. XIX в. на границе Южной Маньчжурии уже находилось около 20—30 тыс. переселенцев. Путь к широкомасштабной китайской колонизации Маньчжурии номинально был открыт в 1878 г. благодаря отмене всех ограничений на переселение китайцев в регион. Поскольку ко второй половине XIX в. Мукденская провинция была уже полностью заселена, китайские переселенцы селились в основном в Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях. К началу XX в. в Мукденской провинции было 9 млн. чел., в Гиринской — 2,5 млн., Хэйлунцзянской — 1 млн., в целом в Маньчжурии — 12,5 млн. чел. К 1910 г. в Мукденской провинции насчитывалось 10,5 млн. чел., в Гиринской — 5,5 млн., в Хэйлунцзянской — 1,7 млн., в целом в Маньчжурии — 17,7 млн. чел [3, с. 269].

Экономическое развитие империи Цин было тесно связано с экспансией европейских держав на китайском рынке. Столкновение традиционной и капиталистической экономик вызвало сложные процессы трансформации и синтеза [7]. При этом русский капитал играл преобладающую роль в силу причин военно-политического характера [13, р. 59—62].

По мнению современников, русское проникновение вызвало бурное развитие экономики маньчжурских территорий. Например, русский исследователь Л. М. Болховитинов отмечал: «...проведением КВЖД мы возродили Маньчжурию к новой жизни... До 1903 г. китайская колонизация Маньчжурии, развиваясь постепенно, шла естественным путём, обуславливаясь большой земельной нуждой в пределах собственного Китая, но с этого времени вопрос получил совершенно другую разработку; переселение в значительной степени потеряло своё естественное направление,

приняв форму движения, регулируемого китайскими властями, по известной программе с политической окраской» [11]. Очевидно, меры китайского правительства по «встречной колонизации» были успешны, так как китайские предприниматели всё активнее осваивали дальневосточные рынки [1, с. 232; 9, с. 105]. Более того, русские общественные деятели уже тогда высказывали мысли о китайской экономической экспансии [12, с. 13].

Рассмотрев развитие маньчжурских территорий по трём основным параметрам — политико-административному, военно-стратегическому и социально-экономическому, можно сделать выводы о том, какую роль Маньчжурия играла в общеимперской системе Китая.

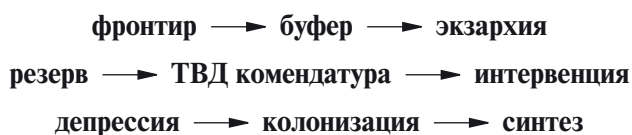

Схема 1. Динамика исторических состояний маньчжурских территорий в середине XVII — начале XX в.

Из приведённой схемы видно, что оценка маньчжурских территорий как отдалённых и малонаселённых земель, требовавших минимально затратного реагирования (т.е. фронтир), совпадала с военно-стратегической ролью резерва для цинской династии. Когда регион стал театром военных действий (ТВД), его административная структура и политическая роль по-прежнему определялись термином «фронтир». При наличии администрации было минимальным, однако с военной точки зрения — эффективным. Вместе с тем такой подход к управлению территорией повлёк за собой депопуляцию населения и депрессию в хозяйственной сфере.

В дальнейшем, когда регион играл роль слабозаселённого буфера (после определения конвенционных границ с Россией и дипломатического урегулирования русско-цинского военного конфликта конца XVII в.), на территории был введён режим военного управления (комендатуры). Гражданское китайское население вынужденно подчинялось военной администрации, поэтому свобода перемещения в Маньчжурии как для гражданских, так и для военнообязанных была крайне ограничена.

Однако потребность в экономическом развитии маньчжурских земель (как базы налогообложения и как способа решения демографических проблем Среднего Китая) побудила цинское правительство более серьёзно заняться хозяйственными проблемами. Запретительные меры для китайских земледельцев в разные периоды смягчались, но окончательное «открытие» Маньчжурии для колонистов было связано с внутри- и внешнеполитическими проблемами цинского двора — тайпинским восстанием и опиумными войнами.

На колонизацию маньчжурских территорий впоследствии всё больше влияла как внешнеполитическая экспансия соседей, так и бездействие центральной администрации. В дальнейшем сочетание административных мер цинского двора, различных оккупационных управляющих структур, рост влияния региональных элит породили сложную политическую ситуацию. Наличие в регионе различных интервенционистских сил и стоявшего за ними иностранного капитала привело к бурному экономическому росту региона и формированию как национального, так и интернационального капитала в Маньчжурии. Фактически обособившись от Китая, маньчжурские территории долгое время сохраняли специфику во всех перечисленных сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алепко А. В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. 336 с.
2. Белоглазов Г. П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII — первая треть XIX в.) / Владивосток: Дальнаука, 2007. 184 с.
3. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 424 с.
4. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток: (вторая половина XVII — начало XX вв.). Хабаровск, 1973. 192 с.
5. Максимов А. Я. Наши задачи на Тихом океане: политические этюды. СПб., 1894. 144 с.
6. Мелихов Г. В. Маньчжурия на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 244 с.
7. Меньшиков В. Б., Непомнин О. Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Восточная литература, 1999. 334 с.
8. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855 гг. М., 1969. 421 с. URL: http://az.lib.ru/n/newelxskoj_g_i/text_0020.shtml
9. Петров А. И. Некоторые стороны деятельности Китайского общества взаимного вспомоществования в Приамурском крае (1907—1917 гг.) // Российское Приамурье: история и современность: материалы к конф. Хабаровск, 1999. С. 103—106.
10. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. 511 с.
11. Сорокина Т. Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX — начале XX вв. // Исторический ежегодник. ОмГУ, 1998 г. URL: http://www.perspektivy.info/оikumena/azia/kitajskaja_immigracija_na_dalnij_vostok_rossii_v_konce_xix--nachale_xx_vv_2010-06-16.htm
12. Суботич Д. И. Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. IV+53 с.
13. Clyde P. H. International rivalries in Manchuria. 1689—1922. Columbus: The Ohio State University Press, 1926. 323 p.
14. Lee R. H. G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Cambridge: Harvard University Press, 1970. 229 p.
15. Powell R. L. The Rise of Chinese Military Power. New Jersey: Princeton University Press, 1955. 384 p.
16. Enatsu Y. Banner Legacy. The Rise of a Fengtian Local Elite at the End of the Qing. Ann Arbor: Center of the Chinese Studies The University of Michigan, 2004. 166 p.
17. Фань Лицзюнь, Тань Юйси. Переселенцы Северо-Востока и изменение социальной структуры в регионе в новое время // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 2009. № 3.